

П.В.Лукин

## ГАНЗЕЙСКИЙ ДОКУМЕНТ 1425 ГОДА И ПРОБЛЕМА НОВГОРОДСКИХ «СТАРЫХ ПОСАДНИКОВ»

В центре внимания в статье находится спорная проблема так называемых «старых посадников» в Новгороде Великом. Они появляются в источниках начиная с 1420-х гг., но до сих пор не вполне ясно, кем они были. Существуют две концепции на этот счёт. В историографии XIX — начала XX века они обычно рассматривались как «бывшие посадники», сохранявшие после своего ухода с должности определённое политическое влияние. В.Л.Янин предположил, что «старые посадники» были на самом деле старшими, т.е. главными, посадниками — по сравнению с другими посадниками, численность которых постепенно увеличивалась в XV веке. Анализ одного ганзейского документа показывает, что, с одной стороны, «старые посадники», скорее всего, были бывшими посадниками, с другой стороны, — что появление этого выражения в 20-е годы XV века свидетельствует об усилении кланово-олигархических тенденций в Новгороде XV века.

**Ключевые слова:** Новгород Великий, посадники, ганзейские источники, боярская аристократия

**В** новгородских источниках XV века наряду со степенными посадниками и просто посадниками, без определения, фигурируют, как известно, «старые посадники». Как отмечает В.Л.Янин, впервые они упоминаются в договоре Великого Новгорода с ганзейскими городами 8 февраля 1423 г. К «старым посадникам Новгорода» (в оригинале: *to den olden borgermestere van Nougarden*) приезжают — в числе других новгородских должностных лиц — ганзейские послы [1, 2]. Впоследствии «старые посадники» достаточно регулярно появляются в новгородских источниках.

Традиционно старые посадники рассматривались в качестве «отставных сановников», как писал В.О.Ключевский, входивших в состав «боярского совета» и пользовавшихся влиянием в своих концах, возможно, даже занимавших посты кончанских старост [3]. Однако, как и в ряде других случаев, традиционная интерпретация была отвергнута В.Л.Яниным. По его мнению, «старый посадник» — это первенствующий, главный, а не древний или прежний. Этот термин возник для противопоставления как термину «степенной посадник», так и термину «посадник», «лишённого каких-либо иерархических эпитетов». Старые посадники — это, по мысли учёного, группа из шести посадников, возглавлявших в посадничестве представительство от концов (двое посадников представляли Славенский конец). Возглавлял эту коллегию степенной посадник. Согласно общей концепции В.Л.Янина, необходимость в появлении такого обозначения могла появиться только после реформы посадничьего управления 1410-х гг., когда количество посадников резко увеличилось [1, с. 392-393]<sup>1</sup>. Эта интерпретация получила поддержку в последующей историографии, в том числе и зарубежной [4].

В то же время концепция В.Л.Янина встретила и определённую критику. Так, О.В.Мартышин призвал «придерживаться традиционного понимания степенных и старых посадников», а появление самого термина «старый посадник» лишь в XV веке (понятно, что бывшие посадники существовали и в более раннее время) объяснял «участвовавшей сменой посадников, увеличением числа носителей этого титула и необходимостью выделить среди них первого новгородского сановника» [5].

Как концепция В.Л.Янина, так и критические замечания О.В.Мартышина почти исключительно основаны на логических соображениях (пусть иногда и весьма тонких) и косвенных данных. Так, О.В.Мартышин в обоснование традиционного взгляда на старых посадников ссылается только на один источник — на подтвердительную грамоту Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю 1461—1467 гг. [6] о подтверждении пожалования там говорится так: «Покончаша промежу себя посадники великого конца Славенского, и бояре, и жити люди, и весь великий конец Славенский, и пожаловаша игумена Алексѣя и старцовъ святаго Вознесения». И далее — о более раннем пожаловании: «Что дали посадники Федоръ Тимофеевичъ, и Иванъ Александровичъ, и старшиє посадники, и тысяцкии земли кончанскую Савѣ старцу...»<sup>2</sup>. Фёдор Тимофеевич и Иван Александрович был общеновгородскими посадниками — выходцами из Славенского конца [1, с. 291-293, 300]. На этом основании О.В.Мартышин считает, что упомянутые в грамоте «старшие посадники» — посадники более «старые», чем они, т.е. более ранние, делавшие, как и они пожалования монастырю от имени Славенского конца [5]. Но это не единственная возможная интерпретация. Теоретически документ может быть понят так, что пожалования совершались степенными посадниками Фёдором и Иваном и действовавшими при них «старыми посадниками». Русскоязычных источников, из которых становилось бы вполне ясно, кем были старые / старшие посадники, таким образом, вроде бы нет.

<sup>1</sup> В.Л.Янин также полагал, что другим наименованием «старых посадников» как «административного разряда» было «большие» и ссылается при этом на грамоту № 59 в ГВНП [1, с. 97]. Но это следствие недоразумения, связанного с ошибкой в передаче и переводе текста издателей грамоты. На самом деле, в ней идёт речь не о «всех больших в Новгороде», а о «всём Великом Новгороде» (*alle Grosßin Nogharden*) (*Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Ordensbriefarchiv 3244*) (благодарю С.В.Полехова за возможность ознакомиться с копией оригинала и его наблюдениями).

<sup>2</sup> ГВНП. № 91. С. 148.

Временем около 11 июля 1425 г. датируется послание ганзейского посланника Херманна Дудинга из Новгорода в Дерпт. Это посольство, как и сам документ, было одним из звеньев многоэтапных переговоров, имевших место в ходе конфликта между Новгородом и Ганзой в 1424—1425 гг., последовавшим за ограблением новгородских купцов в Ливонии<sup>3</sup>. Нас, однако, в данном случае будет интересовать не содержание самих переговоров, которые вёл в Новгороде Х.Дудинг, а место, где они проводились, и состав новгородской стороны.

|                                                                                                                                         |                                                                                                                                                                                         |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Item so were wi drie vor deme borgermestere mit dengennen, de dar utvaren.                                                              | Итак, мы трижды были у посадника с теми, кто оттуда [из Новгорода] уезжал.                                                                                                              |
| Tom latesten wiseden se uns vor de olderlude der coeplude van den Russen, dat wi de zolden medenemen unde gaen vor den hertoghen.       | В последний раз они указали нам перед русскими купеческими старостами, чтобы мы их взяли с собой и отправились к тысяцкому.                                                             |
| Also deden wi unde gyngen dar vor den hertoghen; de was tho des oldesten borgermesters huse, de het Foma.                               | Мы так и сделали, и пошли тогда к тысяцкому; он был в доме у старейшего посадника по имени Фома.                                                                                        |
| Dar was de hertoge unde ok de borgermester, de de hand dede, do de Dudessen boden den vrede makeden, unde leden uns desse zake vor [7]. | Там был тысяцкий, а также посадник, который давал руку, когда заключался мир с немецкими послами. И они заявили следующее [далее излагается содержание претензий новгородских властей]. |

В документе упомянут *de oldeste borgermester* («старший/старейший посадник») Фома. В его доме находятся другой посадник и тысяцкий, которые, собственно, и ведут переговоры с ганзейскими представителями. Речь идёт, конечно, о степенном, «главном», посаднике, ответственном за внешнюю политику Новгорода. Средненижнемецкое прилагательное *olt* (превосходной степени которого является *oldeste*), как и древнерусское «старый», могло означать и «старый по возрасту», и «древний, давний», и «прежний, бывший раньше» [8, 9]. Теоретически, таким образом, и тут подходят оба значения.

Также тут стоит коснуться вопроса о разных степенях сравнения прилагательного *olt* («старый»). В ганзейских документах, написанных на средненижнемецком языке, фигурируют *olde borgermestere* — «старые посадники» (в положительной степени). Однако вряд ли это имеет какое-то значение: в русских источниках упоминаются как «старые», так и «старшие» посадники. Так, например, в цитируемой выше грамоте Славенского конца фигурируют «старшие посадники», а в несколько более ранней грамоте Новгорода Троице-Сергиеву монастырю (1450 г.) — «старые посадники» [6, с. 323]<sup>4</sup>. Отметим здесь, что один из ключевых для концепции В.Л.Янина аргументов — ссылка на статью Летописи Авраамки под 1469 г., в которой якобы упоминается «старейший посадник» — следует исключить из рассмотрения. В летописи говорится: «Той же зимы путешествова господинъ нашъ архиепископъ Великого Новагорода и Пскова владыка Иона въ свои градъ въ Псковъ, къ своимъ дѣтемъ к меншимъ, брату Великого Новагорода, на свои старины и пошлины; а с нимъ отъ старѣшихъ посадникъ Лука Федоровичъ сынъ посадничъ, а от житыхъ...». И далее следует пропуск<sup>5</sup>. В.Л.Янин, цитируя это место, останавливается перед словами «а от житыхъ», и у него как будто получается, что Лука Фёдорович был представителем «старейших посадников». В реальности, конечно, всё было иначе: посадничий сын Лука Фёдорович представлял «старейших», т.е. бояр, а житых (более низкую, хотя и привилегированную категорию новгородской знати) — кто-то ещё.

Обратим внимание теперь на имя «старейшего посадника» — Фома. В первой четверти XV века известны два посадника с таким именем: Фома Иванович, фигурирующий только в списках посадников, и Фома Есифович, упомянутый, как в списках, так и в летописи, и в договорной грамоте. Действовали они на рубеже первого и второго десятилетий XV века [1, с. 300-301]. Один из них и был, скорее всего, тем «старейшим посадником», в доме которого велись переговоры с немцами летом 1425 г. Можно, конечно, предположить, что в это время был ещё какой-то посадник Фома, не упомянутый ни в одном источнике, но, думается, что это было бы нарушением принципа «бритвы Оккама» и типичным умножением лишних сущностей.

По второму изводу списка новгородских посадников известно два лица, занимавших этот пост явно в 20-е годы XV века: Василий Фомин и Филипп Фомин<sup>6</sup>. О них — как и о посадниках 1420-х гг. вообще — известно немного, особенно о первом. Василий Фомин фигурирует только в списке посадников и идёт там сразу вслед за Михаилом Ананьичем<sup>7</sup>. Последний упомянут как степенной посадник в двух документах: в грамоте Новгорода Микитке Тинчову и в договоре Новгорода с Василием Тёмным. К сожалению, датировка обоих документов является предметом дискуссии. Если первый датируется 1423 г. или 1424 г., то для второго предлагаются

<sup>3</sup> См. подробнее: Гиппиус А.А., Лукин П.В., Полехов С.В., Сквайрс Е.Р. Новая грамота о новгородско-ганзейских взаимоотношениях (1425 год) // Труды Института российской истории РАН (в печати).

<sup>4</sup> ГВНП. № 95. С. 151.

<sup>5</sup> ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 223.

<sup>6</sup> ПСРЛ. Т. III. С. 472; Т. IV. С. 626; Т. XXIII. С. 166.

<sup>7</sup> Там же. С. 33.

разные варианты в рамках 20-х — первой половины 30-х годов XIV века [6, с. 109, 173-177; 10, 11]<sup>8</sup>. Зато посадник Филипп Фомин, на что обратил внимание Л.А.Бассальго [11, с. 53], упоминается также в написанном на средненижненемецком языке послании немецкой купеческой общины в Новгороде в Ревель, которое имеет определённую дату — 9 августа 1426 г., а речь в нём идёт о событиях 10 июня того же года [12]. Филиппу Фомину принадлежит также печать, найденная в 2002 г. на Никитинском раскопе и стратиграфически датирующаяся 80-ми годами XIV — 20-ми годами XV веков [1, с. 339-341, 347, 349; 13].

Согласно концепции В.Л.Янина об эволюции посадничества, этапах его реформирования, изменении сроков пребывания посадников на своих постах, в 1416—1417 гг. была предпринята очередная реформа системы управления в Новгороде, в результате которой срок степенного посадничества был сокращён до полугода: с февраля по август и с августа по февраль мартовского года [1, с. 330-331]. Если эта концепция в принципе верна, то получается, что Филипп Фомин мог быть степенным посадником в феврале-августе 1426 г. Перед ним в списках посадников фигурирует Григорий Данилович, который мог быть посадником в августе 1425 — феврале 1426 гг. Соответственно, предшествующий ему Василий Фомин мог занимать посадничество в феврале — августе 1425 г. В этот промежуток попадает и дата послания Х.Дудинга.

Из ганзейского документа 9 августа 1426 г. следует, что летом этого года степенным посадником был Филипп Фомин, а тысяцким — Оникий Власевич: «Это случилось при посаднике по имени Филипп Фомин, при тысяцком, который вершил этот суд, по имени Оникий Власевич»<sup>9</sup>. Согласно наблюдениям и реконструкциям Л.А.Бассальго, Оникий Власевич мог быть степенным тысяцким с марта 1423 г. по февраль 1424 г. и с марта 1426 г. и далее. Неизвестно, кто был тысяцким в промежутке между февралём 1424 г. и мартом 1426 г., но ничто не мешает нам предполагать, что Оникий Власевич оставался на своём посту. Таким образом, тысяцким, ведшим в июне 1425 г. на усадьбе «старейшего посадника» переговоры с немцами, и тысяцким, который через год после этого объяснял немцам, что он может выносить судебные решения где угодно, в том числе у себя на дворе, был, вполне вероятно, один и тот же человек — Оникий Власевич. Действовал он совместно с двумя степенными посадниками, которые, судя по их поведению, придерживались такой же точки зрения по данному вопросу, и этими посадниками были Василий и Филипп Фомины, вполне возможно — родные братья, сыновья «старейшего» посадника Фомы. В 1426 г. тысяцкий заявлял ганзейским купцам в ответ на требования вершить суд только перед церковью св. Иоанна на Опоках, что «где бы он ни осуществлял суд, будь то перед [церковью] святого Иоанна или на улице, или на своём дворе (*offt in syne hove*), или где бы то ни было, там было бы тоже всё вполне законно, согласно крестоцелованию»<sup>10</sup>.

Это означает, что новгородский посадник не просто случайно забрёл в дом некоего «старейшего посадника» Фомы, а вёл переговоры с немцами на отчинном боярском дворе, принадлежавшем, естественно, на тот момент ещё живому его отцу. Отсюда однозначно следует, что «старейший / старший» посадник — это не особый привилегированный посадник, а именно бывший посадник, но по-прежнему принадлежащий к политической элите и сохранявший соответствующее влияние, так сказать, посадник *emeritus*. Русские определения «старый / старший», с грамматической точки зрения, представляющие собой положительную и сравнительную степень одного и того же прилагательного, применительно к посадникам (и, следовательно, также и к тысяцким), тоже следует трактовать как обозначение того, что эти лица занимали должность посадника в прошлом [14].

В то же время, несмотря на то, что «старые посадники» были, очевидно, именно бывшими посадниками, возникновение этого термина именно в первой половине XV века, как было верно подмечено В.Л.Яниным, является свидетельством определённой эволюции республиканского политического строя, эволюции в направлении его большей «олигархизации». Об этом говорит уже само оформление «старых посадников» в качестве категории элиты, состоящей из бывших магистратов, которые после пребывания в должности из этой элиты не выпадают. В этом смысле формирование категории «старых посадников» можно сопоставить с происходившим примерно в это же время складыванием новгородского правительственного совета — «господы», известного нам только по ганзейским источникам под названием *de heren* [15].

Рассмотренный нами ганзейский документ показывает, как конкретно мог выглядеть этот процесс. Если наше предположение верно, то на примере клана Фомичей мы видим подтверждение одной из главных концепций В.Л.Янина — о становлении берущей реальную власть в свои руки боярской родовой аристократии. Ведение международных переговоров в усадьбе «старейшего (бывшего) посадника», являющегося отцом нынешнего, — ярчайшее подтверждение этого. К сожалению, не представляется возможным определить, боярство какого из концов представлял этот клан. Упомянутая выше печать Филиппа Фомина была найдена на Никитинском раскопе, т.е. на территории Плотницкого конца [13], но понятно, что посадничья печать могла находиться на территории любого из концов.

Имеют значение эти выводы и для истории Пскова, где также в XV — начале XVI веков были «старые посадники», относительно которых также в историографии идёт дискуссия, причём высказаны те же гипотезы, что и применительно к Новгороду [16]<sup>11</sup>.

<sup>8</sup> ГВНП. С. 126-127. № 75; С. 35. № 19.

<sup>9</sup> Dyt schach by tiden des borchgreven geheiten Phylippe Fommyne, by tyden des hertogen, de dyt recht sat, geheiten Annyte Wollose (HUB. Bd. 6. № 638. S. 359).

<sup>10</sup> HUB. Bd. VI. № 638. S. 359-360.

<sup>11</sup> Вовин А.А. в диссертации «Эволюция политических институтов Пскова в XIV—XV вв.» на с. 172-173 отмечает, что «[н]а имеющемся материале решить данный вопрос трудно».

1. Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 393.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / ред. С.Н.Валк. М.:Л., 1949 (далее — ГВНП). № 62. С. 103.
3. Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. М., 1909. С. 192-193.
4. Leuschner J. Novgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassungs- und Bevölkerungsstruktur. Berlin, 1980 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 107). S. 76.
5. Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 200.
6. Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. 384 с.
7. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch / begr. von F.G. von Bunge, fortg. von H.Hildebrand. Riga; Moskau, 1881. Bd. 7. № 317. S. 225.
8. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Neumünster, 2004. Bd. 2. T. 1. / hg. von D.Möhn. Sp. 1143-1145.
9. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 2016. Т. 11. С. 500-504.
10. Бассальго Л.А. Несколько сюжетов из книги В.Л.Янина «Новгородские акты XII — XV вв.» // Новгородский исторический сборник (далее — НИС). СПб., 2005. Вып. 10(20). С. 32-34.
11. Бассальго Л.А. Новгородские тысяцкие. Часть II // НИС. М.;СПб., 2011. Вып. 12(22). С. 53-54.
12. Hansisches Urkundenbuch (далее: HUB) / bearb. von K.Kunze. Leipzig, 1905. Bd. VI. № 638. S. 359-360.
13. Дубровин Г.Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010. С. 284.
14. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 3. Кузнецов А.М., Иорданиди С.И., Крысько В.Б. Прилагательные. М., 2006. С. 355-358.
15. Лукин П.В. Новгородское вече. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2018. С. 378-398.
16. Кафенгауз Б.Б. Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М., 1969. С. 47-49.

#### References

1. Yanin V.L. Novgorodskie posadniki [Novgorod posadniks]. Moscow, 2003, p. 393.
2. Valk S.N., ed. Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Old Russian documents of Velikiy Novgorod and Pskov]. Moscow, Leningrad, 1949 (hereafter — GVPN), no. 62, p. 103.
3. Klyuchevskiy V.O. Boyarskaya дума drevney Rusi [Boyar Duma of ancient Russia]. Moscow, 1909, pp. 192-193.
4. Leuschner J. Novgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassungs- und Bevölkerungsstruktur. Berlin, 1980 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 107), p. 76.
5. Martyshev O.V. Vol'nyy Novgorod. Obshchestvenno-politicheskiy stroi i pravo feodal'noy respubliki [Volny Novgorod. Social and political system and the law of the feudal republic]. Moscow, 1992, p. 200.
6. Yanin V.L. Novgorodskie akty XII—XV vv. Khronologicheskii kommentariy [Novgorod Acts of the 12th — 15th centuries. Chronological commentary]. Moscow, 1991. 384 p.
7. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch / begr. von F.G. von Bunge, fortg. von H.Hildebrand. Riga; Moskau, 1881, Bd. 7, no. 317, pp. 225.
8. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Neumünster, 2004. Bd. 2. T. 1. / hg. von D.Möhn. Sp. 1143-1145.
9. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI—XIV vv.) [Dictionary of the Old Russian Language (11th — 14th centuries)]. Moscow, 2016, vol. 11, pp. 500-504.
10. Bassalygo L.A. Neskol'ko syuzhetov iz knigi V.L.Yanina "Novgorodskie akty XII—XV vv." [Some stories from V.L. Yanin's "Novgorod Acts of the 12th — 15th centuries"]. Novgorodskiy istoricheskiy sbornik (hereinafter referred to as — NIS). Saint Petersburg, 2005, iss. 10(20), pp. 32-34.
11. Bassalygo L.A. Novgorodskie tysyatskie. Chast' II [Novgorod tysyatskii. Part II]. NIS. Moscow, Saint Petersburg, 2011, iss. 12(22), pp. 53-54.
12. Hansisches Urkundenbuch (further: HUB) / bearb. von K.Kunze. Leipzig, 1905, Bd. VI, no. 638, pp. 359-360.
13. Dubrovin G.E. Nikitinskiy raskop v Novgorode [Nikitinsky excavation in Novgorod]. Moscow, 2010, p. 284.
14. Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka [Historical grammar of the Old Russian language], vol. 3. Kuznetsov A.M., Iordanidi S.I., Krys'ko V.B. Prilagatel'nye [Adjectives]. Moscow, 2006, pp. 355-358.
15. Lukin P.V. Novgorodskoe veche [Novgorod veche]. Moscow, 2018, pp. 378-398.
16. Kafengauz B.B. Drevniy Pskov. Ocherki po istorii feodal'noy respubliki [Ancient Pskov. Essays on the history of the feudal republic]. Moscow, 1969, pp. 47-49.

**Lukin P.V. The Hanseatic Document of 1425 and the Problem of Novgorodian "Old posadniki".** The paper aims to address the controversial issue of the old *posadniki* (burgomasters) in Novgorod the Great. They appear in sources since the 1420s but it is still unclear who they were. There are two theories on them. Scholarship of the 19<sup>th</sup> — early 20<sup>th</sup> centuries usually saw them as retired magistrates playing some role in politics even after retirement. V.L.Yanin put forward the idea that the "old *posadniki*" were in fact chief *posadniki* — among other *posadniki* whose number was gradually increasing in the 15<sup>th</sup> century. Analysis of a Hanseatic document shows that on the one hand the "old *posadniki*" were most likely retired magistrates, on the other hand, that emergence of such term in the 1420s testify to strengthening of aristocratic clans and oligarchy in the 15<sup>th</sup> century Novgorod.

**Keywords:** Novgorod Velikiy, *posadniki*, Hanseatic sources, boyar aristocracy.

Сведения об авторе. Павел Владимирович Лукин — д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, ведущий научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС; lukin Pavel@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.10.2019. Принята к публикации 10.11.2019.